

DOI 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5
УДК 811.161.1'28

© Ганичева С. А., 2019

Ганичева Светлана Алексеевна

Кандидат филологических наук,
Вологодский многопрофильный лицей
(Вологда, Россия)
E-mail: sganicheva@mail.ru

Ganicheva Svetlana Alekseevna

PhD in Philology Sciences,
Vologda multidisciplinary lyceum
(Vologda, Russia)
E-mail: sganicheva@mail.ru

**ВОСПОМИНАНИЯ БРАТА И СЕСТРЫ
О ДЕРЕВЕНСКОМ ДЕТСТВЕ:
ЛИНГВОГЕНДЕРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**BROTHER AND SISTER'S MEMORIES
ABOUT VILLAGE CHILDHOOD: THE
LINGUOGENDEROLOGICAL ASPECT**

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные особенности, проявляющиеся в текстах – воспоминаниях о детстве, написанных уроженцами деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области. На лингвокогнитивном уровне построения высказывания можно говорить о том, что в «женских» и «мужских» текстах концепт «Детство» имеет разную значимость, а также характеризуется разным смысловым наполнением составляющих его фреймов. На прагматическом уровне различаются коммуникативные задачи авторов. На вербально-семантическом уровне можно отметить большую синтаксическую сложность «мужского» текста по сравнению с «женским».

Abstract. The article deals with gender features, which are manifested in childhood memories written by natives of Borbushino village, Kirillovsky district of Vologda region. At the linguo-cognitive level of constructing a statement, one can say that in the “female” and “male” texts the concept of “Childhood” has different significance as well as a different semantic content of its frames. At the pragmatic level, the authors' communicative tasks differ. At the verbal-semantic level, the “male” text has greater syntactic complexity than the “female” one.

Ключевые слова: диалектология, гендерная лингвистика, русские говоры, диалектная языковая личность

Keywords: dialectology, gender linguistics, Russian dialects, dialectal language personality

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области)»).

Введение

Изучение говоров – разновидности общенационального языка – продолжает логику развития лингвистической мысли в целом. Начиная с последних десятилетий XX в., в диалектологии появляется все больше работ, рассматривающих материал говоров в когнитивном, функциональном, социолингвистическом аспектах. Одним из достаточно новых для лингвистики и пока мало исследованным на региональном

материале является гендерный аспект функционирования языка. Вместе с тем он представляется актуальным и значимым: в диалектологических исследованиях традиционно существует гендерная диспропорция, так как в силу разных причин большую часть информантов составляют женщины. В частности, ряд наблюдений, связанных с рассмотрением диалектной речи в гендерном аспекте, был сделан в монографии «Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета»¹, материалы которой используются в данной статье.

Исследования, выполненные на материале литературного языка, свидетельствуют о существовании значительных различий «мужской» и «женской» речи на разных уровнях построения высказывания. Так, в частности, среди черт речи мужчин можно отметить преобладание такого жанра коммуникации, как беседа-информация, а также большое влияние фактора «профессия», императивность, использование сниженных стилистических средств, большую долю сложно-подчиненных предложений по сравнению с женской речью и т. д. Для речи женщин характерны следующие черты: преобладание частных бесед, внимание к внутреннему миру и эмоционально-психологическому состоянию, эмоциональность, использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, большая доля простых предложений по сравнению с мужской речью и т. д.²

В данной статье на региональном материале рассматриваются особенности «мужской» и «женской» языковой репрезентации воспоминаний о детстве. Материалом для исследования служат мемуарные тексты, созданные Николаем Павловичем Шабровым и Ольгой Павловной Мышиной (Шабровой), уроженцами деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Авторы текстов являются братом и сестрой, разница в возрасте между ними составляет около полутора лет (Н. П. Шабров родился в 1938 г., О. П. Мышина – в начале 1940 г.). Детские годы информантов прошли примерно в одно и то же время в одних и тех же условиях, поэтому сопоставление текстов позволяет показать различие в языковой репрезентации мужчиной и женщиной одних и тех же жизненных обстоятельств.

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению текстов, необходимо дать комментарий, касающийся выбора материала для исследования. Наши информанты не являются носителями говора в традиционном понимании, поскольку получили сначала среднее, а затем высшее профессиональное образование и большую часть жизни провели вне родной деревни. Тем не менее представляется, что обращение к данному материалу оправдано, так как языковая ситуация в деревне начала XXI в. подразумевает неизбежную трансформацию объекта диалектологического исследования: на протяжении большей части XX в. сбор диалектного материала предполагал беседы с пожилыми малообразованными людьми, носителями традиционных говоров, однако сейчас таких возможностей все меньше

¹ Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.

² Вязигина Н. В. Мужской и женский стиль письма в мемуарном тексте // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2016. – № 1. – С. 30–35; Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1996. – 181 с.

вследствие изменения диалектной речи под влиянием литературного языка и в результате активной миграции сельского населения в города. В то же время достаточно велико количество деревенских уроженцев, получивших среднее и / или высшее профессиональное образование, но сохраняющих в своей речи некоторые базовые черты носителей говора. Речь этих людей является интересным объектом изучения, так как ее исследование позволяет выявить наиболее устойчивые диалектные черты, а также установить характер трансформаций, которым подвергаются остальные особенности говора. В частности, ранее, анализируя тексты Н. П. Шаброва, мы пришли к выводу о том, что наиболее устойчивыми являются черты диалектной языковой личности на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях, а вербально-семантический уровень в большей степени подвержен изменениям¹.

Основная часть

Воспоминания Н. П. Шаброва и О. П. Мышиной о деревенском детстве входят в состав рукописного архива, созданного этими информантами, которым было предложено написать о том, о чем они пожелают и о чем, с их точки зрения, будет интересно прочитать другим. Большая часть рукописного архива Н. П. Шаброва создана в 2013–2016 гг. и опубликована в 2018 г. в приложении к разделу «Речевой портрет Николая Павловича Шаброва» в упомянутой выше монографии «Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета»². Тексты О. П. Мышиной написаны в 2018–2019 гг. и ранее не изучались.

Всего в архиве Н. П. Шаброва тема детских воспоминаний в том или ином виде затрагивается в 33 текстах (примерно третья часть от общего объема архива), в воспоминаниях Ольги Павловны теме детства посвящены примерно две третьих от всех текстов (количество в данном случае не указывается, так как в архиве О. П. Мышиной нет последовательно выдержанного деления всего корпуса записей на отдельные, законченные по смыслу, тексты).

Покажем далее, как гендерные особенности репрезентации воспоминаний о детстве проявляются в текстах наших информантов на лингвокогнитивном, прагматическом и вербально-семантическом уровнях построения, эксплицирующих соответствующие уровни языковой личности по Ю. Н. Караулову³.

Лингвокогнитивный уровень представляет собой систему знаний о мире, состоящую из разнообразных ментальных единиц: понятий, образов, фреймов, концептов и др. В частности, в текстах, являющихся объектом нашего исследования, получает индивидуально-речевую реализацию концепт «Детство»; он, с точки

¹ См. подробнее: Ганичева С. А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5 (74). – С. 60–64; Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.

² Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.

³ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: URSS, 2007. – 264 с.

зрения Т. Г. Комиссаровой, «согласно логике фреймово-слотовой модели может быть описан как совокупность значимых ситуаций, из которых складывается жизнь человека»¹. В число основных ситуаций (фреймов), составляющих этот концепт, входят «Возникновение бытия», «Инициация (крещение, имянаречение)», «Физиологическая деятельность», «Игровая деятельность», «Учебная деятельность», «Трудовая деятельность», «Прекращение бытия (болезнь, смерть, погребение)»². Каждая ситуация характеризуется своим составом субъектов и объектов, пространственно-временными характеристиками, а также типичными факторами, оказывающими на нее влияние³.

В текстах Н. П. Шаброва и О. П. Мышиной в той или иной мере репрезентируются все перечисленные фреймы. При этом гендерные особенности проявляются, во-первых, в разной значимости концепта «Детство» для информантов и, во-вторых, в разном смысловом наполнении фреймов.

Как уже отмечалось, авторы текстов были свободны в выборе тем и могли писать о том, что кажется им важным и интересным. В результате Николай Павлович уделил детским воспоминаниям примерно третью часть всего материала. Остальные тексты посвящены профессиональной деятельности (работа пилотом в 71-м авиаотряде, базировавшемся в г. Вологде), учебе в летном училище и авиационном институте, случаям из семейной жизни, а также размышлениям о судьбе деревни и подведению итогов жизненного пути. Тексты Ольги Павловны значительно менее разнообразны по тематике. Как уже говорилось, примерно две третьих из них посвящены воспоминаниям о детстве в деревне. В оставшихся рассказывается преимущественно о походах в лес и о домашнем питомце. Профессиональной деятельности отводится буквально несколько строк, несмотря на то что Ольга Павловна, как и брат, была в ней весьма успешна: выйдя замуж, она уехала в поселок Октябрьский Вытегорского района Вологодской области, где в местной школе работала учителем начальных классов, затем учителем географии, заместителем директора и директором.

Таким образом, для Ольги Павловны тема детства является значительно более важной и значимой, чем для Николая Павловича. Это, по всей видимости, может быть связано со спецификой «мужского» и «женского» речевого поведения: как отмечают исследователи, для мужской коммуникации характерно большее внимание к профессиональным темам, для женской – к бытовым, семейным⁴.

Рассмотрим далее, как раскрываются типичные фреймы, составляющие концепт «Детство», в текстах наших информантов.

Фреймы «Учебная деятельность», «Прекращение бытия (болезнь)», «Инициация (крещение, имянаречение)» схоже представлены в воспоминаниях брата и сестры.

¹ Комиссарова Т. Г. «Детство» в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – С. 53.

² Комиссарова Т. Г. «Детство» в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 211 с.

³ Там же.

⁴ Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1996. – 181 с.

Оба информанта рассказывают об учебе в школе, перечисляя ряд одинаковых фактических деталей: учеба в четырехлетней школе деревни Борбушино, затем в семилетней школе села Ферапонтова и в городе Кириллове; жизнь на чужой квартире в Ферапонтове; трудная дорога в ферапонтовскую школу через лес и лесную речку Каменку, разливающуюся весной; обеды в школе в голодное время. Есть также рассказы о ситуациях, связанных с каждым информантом лично. Интересно, что информант-мужчина вспоминает свое удачное сочинение, которое учительница отправила на кафедру в Ленинградский пединститут (ситуация успеха в значимой деятельности), а его сестра рассказывает о том, что очень переживала из-за смерти отца, из-за чего не сразу сдала экзамен и была оставлена на второй год (ситуация, отражающая значение для человека межличностных отношений).

Похоже реализуется в текстах фрейм «Прекращение бытия (болезнь)»: оба информанта считают нужным рассказать о случаях, когда тяжело болели и находились между жизнью и смертью. Для Ольги Павловны таким является воспоминание о том, как она получила сильные ожоги, опрокинув на себя ведро с кипятком, а для Николая Павловича – воспоминание о том, как он и сестра болели желтухой.

Концепт «Инициация (крещение, имянаречение)» скупно представлен в текстах обоих информантов:

Назвала меня мама в честь акушерки, которая помогала рожать, Ольга, шла «в рубашке», в пузыре (О. П. Мышина); При рождении дали мне красивое имя русское, пусть и греческое. Считалось, что имя надо давать младенцу по именинам, по ближайшему христианскому святому. Ближайший оказался Николай Чудотворец (Никола Весенний). Крестили меня трижды: первое крещение выполнила какая-то деревенская бабушка, второе крещение выполнила монахиня мать Валентина, а третье крещение – батюшка из Покровской церкви (Н. П. Шабров).

Интересно, что для женщины этот концепт оказывается тесно связан с концептом «Возникновение бытия» (рождение ребенка).

Фреймы «Игровая деятельность», «Трудовая деятельность», «Физиологическая деятельность» в текстах Ольги Павловны раскрываются значительно более детально, чем в воспоминаниях ее брата.

Оба информанта вспоминают об играх деревенских ребят и о том, как дети проводили свободное время:

Идем обратно довольные, хотя сырые. На поляне играем в прятки, догонялки, распорим, подеремся, играем от души (О. П. Мышина); Играли только в избе. Бабушка топила печки. Однажды играли в прятки (О. П. Мышина); У сеновалов, что стояли в ту пору недалеко от нашего города, ребяташки играли в цибогонку, а затем в мушку (Н. П. Шабров); Любимая игра зимой – кататься на санках и лыжах. И лучшие всего с горы Сосновина (Н. П. Шабров) и др.

Однако в текстах Ольги Павловны, в отличие от записей ее брата, много внимания уделяется также развлечениям более взрослых ребят – подростков и молодежи. Так, она рассказывает о том, как ходили на беседы в деревенский клуб, как плясали кадрили:

Подросли и стали ходить на беседы <...>. Собирались девушки и парни с соседних деревень. Иногда ставили концерты. После концертов плясали. Под гармонь, или просто русского, или кадрили. Парни командовали кадрилию, а если нет парней, то мы командовали и др.

Отдельный текст посвящен девичьим гаданиям в бане.

Показательны фрагменты, в которых рассказывается о голоде в послевоенной деревне (фрейм «Физиологическая деятельность», включающий в себя смысловой блок «Питание»). В текстах Николая Павловича эта тема затронута вскользь:

А ели все, что было съедобно. Это дидили, пестики, травку-муравку, что на солнышке растет в кошачьих лапках. Так мы называли по-ребячески. А что это по-научному, и сейчас никто из нас не знает. Появилась киселка (щавель), кислица (тоже кислая травка на покотине), землянка (земляника) у лобозы (местное название болота), голубица (голубика), морошка, ягоды черемухи, черника. И все, что до осени съедобно. Техничкой (в школе д. Борбушино. – С. Г.) работала Анна Григорьевна Кочнева. Это она варила щи из картофеля и капусты, чтобы ученики что-то покушали. Дети ходили в школу ради обеда. Особенно в голодный 1947 год.

Ольга Павловна вспоминает значительно больше деталей:

После войны был голод. Много людей в деревне умерли от голода. Неурожай, да и надо, что вырастили, сдать государству: молоко, яйца, зерно. Денег на трудодни не давали, а сколько-то зерна. Отец у нас был умный и сказал, что 100 г. хлеба в день, вы и то не умрете. <...> Ежедневно нам давал блюдо 1-литровое зерна. Мы должны были его размолоть и потом пекли, варили кашу. <...> Подметали потом муку до одной порошинки. Одним этим не проживешь. Собирали траву – раковую шейку, из нее варили кашу. Она очень была невкусная, зеленая. Давали нам по 0,5 чашки молока или по 1 чашке обраты. <...> Зимой ели мороженые яблоки, что летом выросли. Везли скоту льняной жмых – «колоб» мы звали – его мы тоже ели. <...> Собирали весной мороженую картошку, выходили на поле, где росла картошка, и копали полумерзлую землю. Домой приносили, пекли из нее лепешки – вот они-то были очень вкусные. <...> Летом собирали еще кошачью лапку, в лесу дидили – дудки. <...> Выжили, не опухли (далее следует подробное описание того, как от голода умер сосед. – С. Г.).

Также различаются воспоминания брата и сестры о трудовой деятельности, в которую вовлекали детей (фрейм «Трудовая деятельность»). В текстах Николая Павловича об этом говорится весьма скупо:

После окончания 9 класса я как сельский житель активно работал, зарабатывал трудодни. Лошади у меня не было, но боронил посеянное или перед посевом поле. Даже один раз запряг лошадь в рандаль, но ей было не под силу, и вновь боронил обычной бороной. Я уж не помню, в какую книжку заносили мне часы работы. Возможно, после смерти отца его оставалась книжка, или в книжку матери?; <...> Нащу Красотку и вместе с ней остальное стадо пасывал и я (в тексте о том, как в деревне пасли коров. – С. Г.).

Ольга Павловна упоминает значительно больше видов работы, которыми занимались дети: ходили вместе с родителями на сенокос, после смерти отца заготавливали дрова, помогали матери выделывать кожи; девочка также доила корову, ткала половики, зашивала одежду, латала валенки и т. д.:

Нам отдыхать не давали летом. Родители шли на сенокос, заготавливать сено в колхоз да 10 % на свою корову. Нас брали с братом с собой. Вставали в 4–5 утра. Мне было 7 лет, брату 9 лет. <...> Меня готовили в доярки, приучали доить корову <...>; Мне приходилось много работать. Жили мы бедно. Надо было зашивать вещи, одежду, обувь; Весной мы драли корье ивовое (обдирали ивовую кору с кустов ивы). Сушили кору и др.

Если говорить о субъектной составляющей фреймов концепта «Детство», то обращает на себя внимание тот факт, что в «женских» текстах репрезентируется более «камерный» мир, рамки которого в основном ограничиваются ближайшим социальным окружением: семьей, подругами, соседями. В текстах упоминаются мать, отец, брат, сестры отца – тетя Лида и тетя Нюра, двоюродная сестра Милька, мамина сестра Валентина Алексеевна, подруги – Нина Семенова и Нина Кашина, бабушка Наталья, бабушка Парасковья, соседи Струничевы, бабушка Маревьяна, бабушка Епериха и др. Пространственные объекты, упоминаемые в текстах, – сама деревня Борбушино, расположенные неподалеку населенные пункты (Ферапонтово, Леушкино, Палшемское, Вазеренцы, Поздышка, Новостройка, Волокославино), река Каменка, Ципина гора. При этом главным для автора является описание ситуаций, а имена людей и названия мест носят вспомогательный характер, позволяют детализировать эти ситуации. Так, речка Каменка упоминается Ольгой Павловной в рассказе о том, как дети ходили в школу через лес:

Когда училась в 7 классе, ходили в Ферапонтово в школу через р. Каменку, которая весной разливалась. Воды много, зачерпнем в сапоги и домой обратно. А когда уже и убудет вода в реке, специально начерпаем в сапоги и обратно домой. Это у нас была забастовка – неохота было в школу.

«Мужские» тексты с точки зрения субъектной составляющей фреймов значительно более детальны и обстоятельны. Автор нередко полностью приводит фамилии, имена и отчества людей, указывает положение, которое человек занимал в деревне:

Это бывший колхоз «Красноармеец». Председатель колхоза – Лебедева Александра Филипповна (Филиповна?) (текст «Деревня Белоусово»); В колхозе был агроном из деревни Плахино Соснин Николай Силантьевич. Селекционер (текст «Д. Борбушино»); Мать – Шаброва Анна Алексеевна. Награждена: медаль «За трудовую доблесть», медаль «Ветеран труда». Работала 41 год учительницей начальных классов Борбушинской начальной школы (текст «О наградах матери») и др.

Круг упоминаемых лиц значительно шире, чем в текстах Ольги Павловны, потому что Н. П. Шабров пишет не о ближайшем социальном окружении, а в целом о населении деревни: вспоминает председателей колхоза, фельдшеров медпункта, почтальонов и т. д. Пространство в текстах Н. П. Шаброва также более детализи-

ровано, чем у Ольги Павловны. Отдельные небольшие тексты посвящены не только деревне Борбушино, но и окрестным деревням (Мыс, Быково, Белоусово, Плахино, Сиверово). В записях упоминаются ручей в деревне Борбушино, канал Северо-Западной водной системы, река Каменка, Ильинское озеро, Бородаевское озеро, Ципина гора, гора Сосновина, «острова» в расположенном рядом с деревней болоте и др.

Интересно, что если в текстах Ольги Павловны субъектная и пространственная составляющие фреймов играют вспомогательную, детализирующую роль, то в воспоминаниях Н. П. Шаброва они часто выходят на передний план, а рассказы о тех или иных событиях, связанных с ними, скорее служат иллюстрациями. Показателен в этом плане отрывок из текста, носящего название «Река Каменка», который перекликается с приведенным выше фрагментом из записей Ольги Павловны:

Исток реки – Ильинское озеро. Длина – три километра. Впадает в реку Паску. Только зимой она спокойна и тихонько журчит подо льдом. Весной и осенью порой непреодолимое препятствие на пути в школу и домой в деревню нам, школьникам ферапонтовской семилетней школы. <...> Особенное умиление от реки у школьников в весеннее половодье! «А речку не перейти, так как нам быть?» И вот бежит из школы из старших учеников кто-нибудь, объявляет: «Директор отпускает всех на каникулы!!!» – «Ура!» Вот радостная минута! А дома: «Что так рано сегодня?» – «Отпустили на каникулы: Каменку не перейти!» В настоящее время Каменка журчит по трубе, сделана хорошая дорога. Осталась Каменка лишь в воспоминаниях.

Таким образом, можно говорить о том, что индивидуально-речевое наполнение концепта «Детство» в текстах О. П. Мышиной и Н. П. Шаброва различается. Это, с нашей точки зрения, во многом обусловлено различием «мужской» и «женской» репрезентации одних и тех же обстоятельств. В «женских» текстах этот концепт занимает большее место, чем в «мужских». Тексты обоих информантов отличаются конкретностью, большим количеством фактических деталей, что в целом характерно для речевого поведения диалектной языковой личности и отражает такую устойчивую черту диалектной языковой картины мира, как конкретность мировосприятия. Однако эта конкретность проявляется по-разному, что, вероятно, является следствием гендерной принадлежности авторов: «женские» тексты отличаются разнообразием упоминаемых бытовых деталей, а конкретика «мужских» текстов проявляется на уровне упоминаемых лиц и пространственных объектов. Впрочем, это предположение требует проверки на более обширном материале.

Обратимся далее к гендерным различиям на *прагматическом* уровне построения высказывания, который связан с реализацией коммуникативных потребностей языковой личности, проявляющихся в коммуникативных задачах, мотивах речевой деятельности и т. п.

Особенности реализации концепта «Детство», охарактеризованные выше, обусловлены коммуникативными задачами, которые ставили перед собой авторы текстов. Различие этих задач имеет, с нашей точки зрения, выраженную гендерную окраску.

В текстах Николая Павловича прослеживается авторская задача поведать о прошлом деревни, которое пришлось на детские годы информанта, т. е. прежде всего сообщить читателю объективную информацию. Автор стремится максимально полно рассказать о деревне Борбушино, ее истории и населении, об окрестных деревнях, о том, как учились и проводили время деревенские ребята. Показательны в этом отношении сами заголовки текстов: «Деревни Борбушинского сельсовета», «Д. Борбушино», «Деревня Быково», «Как ловили палаголовцев» (палаголовцы 'головастики'. – С. Г.), «Что дети ели весной», «Как пасли коров», «Названия местности у деревни», «О вшах», «Гора Сосновина» и др. По текстам Николая Павловича можно составить представление об истории деревни, о том, какое место она занимала среди окрестных деревень, о территории, на которой она расположена.

Представляется, что охарактеризованная коммуникативная задача определяет детальность субъектной и пространственной составляющих фреймов концепта «Детство» (о ней говорилось ранее).

В текстах Ольги Павловны, напротив, в центре внимания – выражение личных чувств и переживаний автора; это является характерной чертой «женского» речевого поведения:

Помню 1953 год, март месяц. Умер И. В. Сталин. Это было 5 марта. Работал громкоговоритель. Вся школа была выстроена на линейку. Вся школа, взрослые и дети, плакали. Я тоже плакала. Был большой траур для всех. <...> Я до сих пор отношусь с уважением к И. В. Сталину. Всю жизнь проходил в сапогах и в шинели. Победили фашизм, восстановили после войны разрушенную страну.

По-видимому, с этой коммуникативной задачей отчасти может быть связана и такая особенность построения записей Ольги Павловны, как практически полное отсутствие их деления на законченные по смыслу фрагменты: большая часть материалов представляет собой поток размышлений и переживаний, построенный по ассоциативному принципу (в отличие от текстов Николая Павловича, большая часть которых имеет свое заглавие и представляет собой законченные речевые произведения). Сравним, например, смысловые переходы в данном отрывке:

Мама была довольна тем, что я хоть закончу школу 17 лет, а не 16 лет, так как пошла в школу на год раньше с 6 лет. Я была очень упрямая – вся в отца. Он всегда стоял на своем: если сказал – белое, то докажет это, и никто его не переубедит в этом. Так и я в этом же упрямстве была похожа на него. Летом нам без отца надо было заготавливать дрова на зиму. Денег нет, дров нет, изба холодная, летний пятистенки. Помню, летом мы с братом заготавливали дрова. Очень жарко, комары, мошка, ужас какой-то. Я не умела пилить пилой о две ручки. Николай меня учил пилить, рубил деревья. Пилили на козлах из деревьев. Долго нам пришлось ходить, чтобы заготовить дров. Оставили в лесу их в поленищах. Приехали осенью, а дров и нет, кто-то их украл. Денег в семье нет, дров нет, как быть, как жить. Хорошо, добрые люди дали дров.

Различие в коммуникативных задачах авторов можно проиллюстрировать фрагментами текстов, в которых речь идет о смерти отца. Николай Павлович констатирует факт:

Но прожил он до 1953 года. Умер 7 мая 1953 года от белокровия с гемоглобином 14 (текст «О нагарах отца»).

О своих переживаниях, связанных с этим, информант не говорит. В то же время Ольга Павловна подробно вспоминает это трагическое событие и рассказывает о своем эмоционально-психологическом состоянии:

Отец у нас очень сильно болел. Белокровие прогрессировало еще больше после того, как он попал под грабли, сломал шейные позвонки. Поехал грести сено на конных граблях на необъезженной лошади. В больнице ему тоже не помогли. Вливали кровь, не зная резуса крови. У него была редкая кровь (наверное, первая) и отрицательный резус. У меня вторая, но резус отрицательный. <...> Ушли мы в школу в понедельник, а потом после 2 уроков позвонили, что у нас умер отец. Мы пошли домой. Это было 7 мая 1953 года. Гемоглобина у него было уже 9 единиц. Он просто умер от удушья. Ему нечем было дышать. Отек легких и шеи. Шея была очень опухшая. Хоронили 9 мая. Был пасмурный сырой день с морозящим дождем со снегом. Мы с братом оставались дома. <...> Я сильно переживала потерю отца. Сдавали экзамены. Я пришла на экзамен математики. Знала, как решать свой вариант. Но сдавать не стала. Просидела просто так, рисовала «2» и ушла. Осенью переекзаменовка. Маме стыдно, что я не сдала экзамен, пришли учителя за мной, чтоб я пришла сдавать. Я хорошо лазила по деревьям. Тут тоже сидела на вершине березы и не слезла с нее, пока не ушли. Оставили на второй год.

Следует отметить, что тексты обоих информантов отличаются эмоциональностью и оценочностью – характерными чертами диалектной языковой личности, отражающими специфику диалектной языковой картины мира. Однако в текстах Н. П. Шаброва, коммуникативная задача которых, как мы отмечали, состоит в информировании читателя, эмоциональность и оценочность проявляются преимущественно имплицитно: на уровне построения сюжета, с помощью использования восклицательных предложений и графических выделений¹. В текстах Ольги Павловны эмоции и оценки выражаются эксплицитно:

Иду одна, иногда в стороне треск слышен. Страшно, но надо значит надо; Ящерица попала мне в сапог. Я очень испугалась, выбросила сапог с ноги вместе с ящерицей; У них был сахарин. Нам было завидно, что он пьет сладкий чай. Иногда он нам давал таблетку сахара; Я была босиком и в легоньком платье. Улетела в глубокую канаву, проросшую крапивой. Еле выползла из канавы, вся обожженная в сплошной пузырь. Долго плакала; Отец был строгий председатель колхоза, и много к нашей семье было недоброжелателей. Остались без кормильца в семье, одна мама – учительница, зарплата мизерная. Даже дело так состряпали, что нам – сиротам – не дали и рубля пенсии по потере кормильца. Вот и жили, бедовали, учились, в люди вышли, не хуже людей и др.

¹ Подробнее об этом: Ганичева С. А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5 (74). – С. 60–64; Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.

Таким образом, на прагматическом уровне гендерные различия текстов, по всей видимости, проявляются в разных коммуникативных задачах авторов, а также в разных способах выражения эмоциональности и оценочности.

Самая яркая гендерная черта исследуемого материала на **вербально-семантическом** уровне выражается в особенностях синтаксиса. В «женских» текстах преобладает использование простых предложений:

Бабушка Наталья рассказывала нам о гаданиях в банях. Пришла девушка гадать в баню. Взяла зеркало и села перед ним в полночь. Смотрит. Видит, что сзади идет мужик в черном. Она испугалась, закричала. Это был баннушко. Он ее задавил. Пришли утром в баню, а она лежит мертвая. Или в святочные дни вечером шла девушка домой. А дорога была через кладбище. Было уже темно. Видит, на краю дороги сбоку кто-то стоит, укрытый белой простынью. Она быстро бежать, задела за простынь. Дома легла спать. Ей снится: верни простынь на место.

В текстах Николая Павловича используются значительно более разнообразные и сложные синтаксические конструкции, в частности сложноподчиненные предложения, большое количество которых исследователи называют в числе особенностей «мужской» речи:

Это теперь, в период телевидения и интернета, было бы странным явление века кинопередвижничества на деревнях. А ведь было такое время, когда население, особенно дети, мечтали и радовались, что в сельский клуб привозили на попутных или назначенных председателем колхоза телеге или в розвальнях кино. Обычно это была аппаратура, пленка киноленты, реостат и динамомашина. Киномехаников было всегда двое. Вот, как помню, привезли в деревню фильм. А возил наш родственник вместе со своей женой. Имя его я запомнил – Толя Платонов. Ребятня радуется, кино сегодня будет. А Толя и говорит: «Не будет кино», так как в захарьинской школе, где был у них последний сеанс, на окне оказался забытым реостат.

Выводы

Рассматриваемые в статье воспоминания брата и сестры о детстве отражают гендерные различия на разных уровнях построения высказывания. На лингвокогнитивном уровне различается индивидуально-речевое наполнение концепта «Детство». В «женских» текстах он занимает большее место, чем в «мужских». Кроме того, «женские» тексты отличаются разнообразием упоминаемых бытовых деталей, а конкретика «мужских» текстов проявляется на уровне упоминаемых лиц и пространственных объектов. На прагматическом уровне гендерные различия текстов выражаются в разных коммуникативных задачах авторов, а также в разных способах выражения эмоциональности и оценочности. На вербально-семантическом уровне наиболее ярко проявляется бóльшая сложность синтаксических конструкций в «мужском» тексте по сравнению с «женским».

В целом же можно сказать, что лингвогендерологические исследования на диалектном и, шире, региональном материале представляются нам интересным и перспективным направлением: можно предположить, что достаточная устойчивость традиционной картины мира проявляется как в традиционных моделях речевого

поведения, так и, соответственно, в сохранении его типичных «мужских» и «женских» черт.

Литература

Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.

Вязигина Н. В. Мужской и женский стиль письма в мемуарном тексте // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2016. – № 1. – С. 30–35.

Ганичева С. А. Дialekтная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5 (74). – С. 60–64.

Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1996. – 181 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: URSS, 2007. – 264 с.

Комиссарова Т. Г. «Детство» в языковой картине мира вологодского крестьянина: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2019. – 211 с.

References

Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumennov A. V., Il'ina E. N., Mel'nikova N. G. *Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of Vologda region: the experience of male speech portrait]. Cherepovetskiĭ gosudarstvennyi universitet, 2017. 232 p.

Viazigina N. V. Muzhskoi i zhenskii stil' pis'ma v memuarom tekste [Male and female writing style in a memoir text]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture* [Philology and Culture], 2016, no. 1, pp. 30–35.

Ganicheva S. A. Dialektnaia iazykovaia lichnost': k voprosu o transformatsii [Dialect language personality: the problem of the transformation]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 5 (74), pp. 60–64.

Goroshko E. I. *Osobennosti muzhskogo i zhenskogo rechevogo povedeniia (psikholingvisticheskii analiz)* [Features of male and female speech behavior (psycholinguistic analysis): PhD thesis in philol. sci.]. Moscow, 1996. 181 p.

Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: URSS, 2007. 264 p.

Komissarova T. G. *“Detstvo” v iazykovoĭ kartine mira vologodskogo krest'ianina* [“Childhood” in the language world picture of the Vologda peasant: PhD thesis in philol. sci.]. Vologda, 2019. 211 p.

Для цитирования: Ганичева С. А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 5 (92). – С. 67–78. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5

For citation: Ganicheva S. A. Brother and sister's memories about village childhood: the linguogenderological aspect. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 5 (92), pp. 67–78. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5